

РУКА И СЕРДЦЕ

— Мама, как бы я хотел иметь много денег, — сказал однажды вечером маленький Том Флетчер, сидя на скамеечке у ног матери. Она сосредоточенно вязала при свете камина, и некоторое время оба были погружены в молчание.

— А что бы ты с ними делал, будь они у тебя?

— Ну, не знаю — много чего. Но разве тебе не хотелось бы иметь много денег, мама? — настойчиво спросил он.

— Возможно, — ответила миссис Флетчер. — Мне, как и тебе, тоже иногда хочется, чтобы их было побольше. Но в отличие от тебя я всегда знаю, на что бы их потратила. Мне никогда не хочется денег ради денег.

— Но, мама, будь у нас деньги, мы могли бы сделать столько нужного и хорошего.

— Что ж, ради нужного и хорошего, чего без денег не сделаешь, я вполне разделяю твоё желание. Но, мальчик мой, ты ведь не сказал мне, что бы это могло быть.

— И правда! Наверное, я и не думал ни о чем таком, а просто мечтал иметь деньги, чтобы делать то, что хочется, — чистосердечно признался Том, взглянув на мать снизу вверх.

Она улыбнулась ему и погладила его по голове. Он понял, что порадовал ее, откровенно признав,

что у него на уме. Через некоторое время он вновь спросил:

— Мама, а как бы ты поступила, если бы хотела сделать что-то нужное и хорошее, но без денег не могла бы?

— Есть два способа: заработать и сэкономить. И тот и другой хороши, потому что в обоих случаях следует ограничивать себя. Видишь ли, Том, если ты хочешь заработать деньги, тебе придется упорно заниматься тем, чем, возможно, не хотелось бы, например работать, когда ты предпочел бы играть, или спать, или просто разговаривать со мной у камина. Ты отказываешь себе в этих маленьких удовольствиях, что само по себе хорошая привычка, не говоря уж о том, скольких сил и упорства потребует работа. Экономия, как нетрудно понять, тоже требует самоограничения. Ты отказываешь себе в каком-то желании, чтобы сохранить деньги, которые пришлось бы на него потратить. И поскольку самоограничение, упорство и труд в равной мере похвальны, зарабатывая или экономя деньги, ты делаешь благое дело. Однако следует помнить и о цели, ради которой они тебе требуются. Вот ты говоришь, на что-то нужное и хорошее. В этом случае оба способа одинаково благочестивы. Однако прежде, чем выбрать один из них, я должна подумать, не помешает ли он мне выполнять другие обязанности.

— Что-то я тебя не понимаю, мамочка.

— Попытаюсь объяснить. Я ведь держу небольшую лавку, и вяжу чулки на заказ, и убираю дом, и чищу нашу с тобой одежду, и много еще чего делаю. Как ты думаешь, я бы не пренебрегла своим долгом, если бы по вечерам, когда ты возвращаешься из школы, уходила обслуживать приемы, которые устраивают наши дамы? Я могла бы неплохо заработать, и эти

деньги пошли бы на тех, кто беднее меня (например, на хромого Гарри), но тогда я оставляла бы тебя одного в те немногие часы, которые мы можем провести вместе, и думаю, что было бы неправильно покидать тебя по вечерам ради заработка, пусть и для «нужной и хорошей» цели, как полагаешь?

— Еще как неправильно; ты ведь не сделаешь этого, мамочка?

— Нет, — с улыбкой ответила она, — по крайней мере, пока ты не подрастешь. Как видишь, заработать я сейчас не могу, если захочу помочь больному соседу. В таком случае мне следует попытаться сэкономить. А это почти каждому под силу.

— И нам, мама? Мы ведь живем так скромно. Нед Диксон называет нас скаредами — на чем же мы можем сэкономить?

— О, на всяких мелочах. Мы позволяем себе кое-какую роскошь не по необходимости, а ради удовольствия. Чай и сахар — масло — бекон или мясо для воскресного обеда — серую ленту, которую я купила для шляпки, потому что она показалась тебе красивее, чем черная, которая была дешевле. Все это роскошь. Правда, чаю и сахару мы покупаем совсем немного, но могли бы и совсем без них обойтись.

— Ты без них и обходилась, и очень долго, помнишь, чтобы помочь вдове Блэк, и у тебя голова начала болеть.

— Ну так что ж! Все-таки экономия нам доступна. Пенни или полпенни в день, даже пенни в неделю позволят собрать то, что можно будет, когда понадобится, потратить с «нужной и хорошей» целью. Однако, мальчик мой, что-то мы слишком долго говорим о деньгах, словно без них нельзя делать добрые дела.

— Наверное, можно, но все равно они — самое главное.

— Нет, дорогой, не самое. Я была бы невысокого мнения о бедняке, больше ценящем подачку, брошенную с руганью (мне случалось такое слышать), чем отказ, сопровождаемый добрым и ласковым словом. Грубое слово глубоко ранит сердце, а если нет, значит дурное обращение успело ожесточить его. Деньги сами по себе не способны утешить в скорби — утешение приносит лишь доброта. А проявить ее может каждый, даже двухлетнее дитя, едва научившееся ходить.

— А я могу?

— Несомненно, милый, и ты часто это делаешь, хотя, может быть, не столь часто, как мог бы. Да и я тоже. Почему бы тебе, вместо того чтобы мечтать о деньгах (которых у нас с тобой вряд ли когда-нибудь будет много), не попробовать завтра доставить людям радость, помогая им, чем можешь? Давай последуем словам апостола: «Серебра и золота нет у меня, а что имею, то даю тебе».

— И правда, давай.

Рассказать ли, каким было «завтра» маленького Тома?

Мне неизвестно, снилось ли ему то, о чем они с мамой говорили вечером, знаю только, что, пробудившись утром, он прежде всего вспомнил ее слова о том, что нужно попробовать делать добрые дела без денег; ему так не терпелось начать, что он вскочил с постели и оделся на час раньше обычного. Его не оставляла мысль, что же маленький мальчик вроде него, восьми лет от роду, может сделать для других, и наконец он пришел в полное замешательство и принял мудрое решение прекратить изобретать способы творить добро, а просто как следует выучить уроки — это первое, что нужно сделать, а уж потом он попытается, не строя заранее никаких планов, подготовиться

ся к тому, чтобы протянуть кому-нибудь руку помощи или сказать доброе слово, как только потребуется. И он тихонько уселся в уголке, чтобы не мешать маме убирать комнату, поставил ноги повыше на перекладину стула, повернулся лицом к стене и через час с легким сердцем развернулся назад, зная, что урок твердо выучен и у него еще осталось время до завтрака для других занятий. Он оглядел комнату: мать тщательно ее прибрала и теперь ушла в спальню, но в совке не было угля, а в бидоне воды, и Том выбежал на улицу, чтобы наполнить их, а возвращаясь от колонки, увидел, что Энн Джоунз, известная своей сварливостью, развешивает белье на протянутой через дворик веревке, и услышал, как она громко и сердито ругает свою дочь, заметив, что та собирается напроказить в кухне.

— Вот уж воистину у меня не дети, а наказание Божье! — воскликнула Энн, направляясь в дом с покрасневшим от раздражения лицом. В следующую минуту раздался шлепок, после которого девчушка вскрикнула от боли.

«А что, если я войду и предложу поиграть с малюткой Эстер и приглядеть за ней? — подумал Том. — Энн Джоунз, конечно, страшно разозлилась и наверняка заподозрит недоброе, но, пожалуй, уши мне не надерет и пощечин не надает, потому что моя мама столько дней нянчила ее Джереми, когда он болел. Ну хоть попробую».

И с сильно бьющимся от страха сердцем он обратился к разъяренной миссис Джоунз:

— Пожалуйста, позвольте мне войти и поиграть с Эстер. Может быть, мне удастся занять ее, пока вы развешиваете белье.

— Еще чего! Чтобы ты болтался по дому и учинял беспорядок, как раз когда я все приготовила для мужнего завтрака! Спасибо, но мне хватает проделок

собственных детей, и я не потерплю чужих мальчишек у себя дома.

— Я не хотел учинять беспорядок и проказить, — ответил Том, огорченный тем, что его хорошие намерения были неверно истолкованы. — Я только хотел помочь.

— Хочешь помочь, так подавай прищепки, чтобы мне не наклоняться, а то спина отваливается.

Том предпочел бы играть с маленькой Эстер и забавлять ее, но ведь и с прищепками он может помочь миссис Джоунз, и тогда, наверное, она не будет так злиться на своих детей, если они чем-нибудь отвлекут ее от дела. Да и Эстер уже перестала плакать и явно нашла себе новое занятие (Том надеялся, что на этот раз безобидное); и он принялся одну за другой подавать Энн прищепки, а она, смягчившись, сделалась разговорчивой.

— И как это твоей матери удалось вырастить такого помощника, Том? Ты не хуже девочки, даже лучше; не думаю, что через три года Эстер станет такой же внимательной. (Тут из дому раздались крики малышей.) Вот вам пожалуйста! Опять они за свое; ну, я им покажу! — воскликнула она, в приступе негодования прыгнув с табуретки.

— Позвольте мне, — принялся умолять ее Том, с ужасом думая о новых жестоких шлепках. — Я поставлю корзинку с прищепками на табуретку, и вам не нужно будет наклоняться; а пока вы работаете, я займу чем-нибудь малышей, чтобы они не шалили. Пожалуйста, тетя Энн, пустите меня к ним.

Недовольно бурча из-за того, что лишается его помощи, она позволила ему войти в дом. Он обнаружил там Эстер, девочку пяти лет, ее младшего брата и сестренку. Они подрались из-за ножа, и Джонни в схватке порезал палец — не сильно, но он испугался при виде крови, а Эстер, вместо того чтобы помочь ему,

хоть ей и было его жаль, стояла, надувшись, в стороне, страшась упреков, которыми осыпала ее мать, когда кому-то из младших, оставленных под ее приглядом, случалось пораниться.

— Эстер, — попросил Том, — принеси мне, пожалуйста, холодной воды, ею лучше всего остановить кровь; и не могла бы ты отыскать для нее миску?

Эстер побежала выполнять просьбу, польщенная доверием Тома. Когда кровь почти остановилась, Том попросил девочку принести какую-нибудь ткань, и она принялась шарить под комодом в поисках тряпки, которую спрятала там накануне. Тем временем Джонни перестал плакать, заинтересовавшись приготовлениями к перевязке ранки и довольный тем, что сделался важной персоной и центром внимания. Самая младшая девочка сидела на полу, глубоко захваченная происходящим, и таким образом все они успокоились и совершенно забыли о проказах до прихода Энн, которая, развесив белье и покончив с этой частью утренних дел, была готова заняться своими детьми в свойственной ей нетерпеливой и грубоватой манере.

— Ну и ну! Право же, Том, ты со всем справился лучше некуда; вот бы кто-то вроде тебя всегда приглядывал за ними; однако тебе пора бежать, паренек, твоя мама звала тебя, когда я входила в дом, и я обещала отправить тебя домой. До свидания и спасибо тебе.

Когда Том выходил, малышка, все с тем же серьезным видом сидевшая на полу, каким-то образом сумев оценить ласковую помощь Тома, подставила ему губки для поцелуя; в ответ он склонился к ней, совершенно счастливый и исполненный любви и доброты.

После завтрака мама сказала ему, что пора в школу, потому что ей не хочется, чтобы он бегом влетал

в класс, запыхавшийся и растрепанный, когда учитель уже готов начать урок; она бы предпочла, чтобы он вошел со спокойным достоинством, с мыслями о том, чем ему предстоит заняться. Так что Том взял шапку и сумку и отправился в путь с легким сердцем, отчего, наверное, и шаг его был легким, и он уже прошел полдороги, когда до начала занятий оставалось еще четверть часа. Поэтому он замедлил шаг и повнимательнее огляделся вокруг. По другой стороне улицы шла маленькая девочка; в одной руке она несла большую корзину, а другой вела за собой ребенка, едва начавшего ходить; ребенок, должно быть, устал, потому что жалобно плакал и через каждые два-три шага садился на землю. Том быстро перебежал через дорогу, поскольку, как вы, я думаю, догадались, он очень любил малышей и не выносил их слез.

— Девочка, почему он плачет? На ручки хочет? Я возьму его и понесу, пока нам по дороге.

Сказав это, Том намеревался привести план в исполнение, но ребенок предпочитал, чтобы его несла сестра, и не принял любезности Тома. Тогда Том забрал у девочки тяжелую корзину с картошкой и нес ее, пока пути их совпадали, а перед расставанием девочка поблагодарила его, попрощалась и сказала, что теперь она сама справится, потому что до дому совсем недалеко. И Том, умиротворенный и счастливый, отправился в школу, где заслужил похвалу за хорошо выученный урок, о чем рассказал матери, вернувшись домой.

Случилось так, что это был короткий день, и после школы у Тома оказалось много свободного времени. Разумеется, после обеда он прежде всего выучил уроки на завтра, а потом, убрав книги в сумку, задумался, чем бы ему еще заняться.

Он праздно стоял, прислонившись к двери и предаваясь всяким пустым мечтаниям, к чему был весьма склонен. Он воображал себя то мальчиком, живущим напротив, у которого целых три брата и с ними можно играть в короткие дни; то Сэмом Харрисоном, которого отец однажды покатал по железной дороге; то мальчиком, который всегда ездит на omnibusах, — приятно, должно быть, ехать на ступеньке и видеть столько людей вокруг; а еще он был моряком, отплывающим в страны, где растет дикий виноград и можно ловить обезьянок и попугаев. Как раз в ту минуту, когда Том представил себя принцем Уэльским, едущим в запряженной козами повозке, и размышлял, не будет ли он стесняться покачивающихся у него на шляпе трех больших страусиных перьев, по которым его все сразу узнают, его мама пришла из кухни, где мыла посуду, и увидела его погруженным в глубокую задумчивость, свойственную мальчикам и девочкам, если они единственные дети в семье.

— Том, дорогой, почему бы тебе не пойти прогуляться в такой прекрасный день? — спросила она.

— Ах, мамочка, — ответил он (вдруг снова сделавшись Томом Флетчером, а не принцем Уэльским и слегка заскучав от этого), — гулять одному совсем неинтересно. И поиграть не с кем. Не пойдешь ли ты со мной в поле хоть разочек?

Бедная миссис Флетчер всем сердцем желала бы откликнуться на столь естественное желание своего мальчика, но ей пора было в магазин, да и других дел хватало, и пришлось отказаться. Однако, если она и сожалела об этом, твердая вера не позволяла ей роптать. Поразмыслив минутку, она бодро сказала:

— Пойди погуляй в поле и поищи для меня полевых цветов; когда вернешься, я достану папин кувшин, и ты их туда поставишь.

— Но, мама, рядом с городом так мало красивых цветов, — с некоторой неохотой ответил Том, еще не смирившийся с утратой положения принца Уэльского.

— Боже правый, да их там очень много, если приглядеться. Думаю, ты найдешь не меньше двадцати разных цветов.

— Маргаритки подойдут?

— Конечно, они ничуть не хуже остальных.

— Ну, если тебе такие по вкусу, думаю, найду и больше.

И он побежал в поле, а мама смотрела ему вслед, пока он не скрылся из вида, а потом вернулась к работе. Том вернулся часа через два; на щеках его, обычно бледных, расцвел румянец, глаза сияли. Загородная прогулка доставила ему удовольствие, принесла пользу и вернула привычное радостное настроение, чего и хотела его мама.

— Мама, посмотри, тут двадцать три разных цветка; ты сказала, что считаются все, и я посчитал даже вот этот, похожий на крапиву с сиреневыми цветами, и этот простой синий цветочек.

— Это подорожник, он очень красивый, если к нему присмотреться. Один, два, три... — Мама пересчитала цветы — их действительно было двадцать три.

— Мамочка, они тебе очень нравятся? — спросил Том.

Она не поняла, почему он спрашивает, но ответила:

— Конечно.

Том помолчал немного и еле слышно вздохнул.

— В чем дело, дорогой?

— Ни в чем, просто я подумал, можно было бы отнести их хрому Гарри, он же не может гулять в поле и не знает, как там красиво летом. Хотя если они тебе так нравятся...

— Очень мило; я рада, что ты о нем вспомнил.

Хромой Гарри сидел совсем один в подвале соседнего дома. Он притерпелся к одиночеству, потому что его дочь, у которой он жил, работала на фабрике.

Цветы и в поле были красивы, а уж в подвале, куда их доставил Том, они казались в десять раз красивее. При виде букета глаза хромого Гарри заблестели от удовольствия, и он принялся рассказывать о давних временах, когда мальчонкой выращивал лечебную полынь и желтофиоль в отведенном ему уголке отцовского сада. Том налил в кувшин воды и поставил цветы на стол рядом с Гарри; там же лежала оставленная для него дочерью старая Библия, страницы которой истончились от многократного, хотя и благоговейного употребления. Книга была открыта, а очки в роговой оправе отмечали то место в тексте, на котором Гарри остановился.

— Сдается мне, очки малость поизносились: стекла не те, что прежде, буквы расплываются перед глазами, и глаза начинают болеть от долгого чтения, — сказал Гарри. — Плохо, когда больше не можешь читать. Раньше-то я не замечал, как время летит, а теперь едва могу дождаться конца дня, хотя ночью тоже плохо: ноги так ноют, что не уснуть. Но на все Божья воля.

— Если хотите... я не слишком хорошо читаю вслух, но буду изо всех сил стараться, если вы позволите мне почитать вам. Я только сбегая домой, выпью чаю и тут же вернусь. — С этими словами Том умчался.

Ему очень понравилось читать вслух хромоту Гарри, потому что старик мог рассказать много интересного и был рад обрести слушателя, так что, мне кажется, в тот вечер разговоры заняли ничуть не меньше времени, чем чтение. Но темы для разговоров задавала Библия: в своей долгой жизни старый Гарри ви-

дел и слышал много чего, что он связывал с событиями, предсказаниями и заповедями из Священного Писания, и Том с любопытством следил за тем, как рассказы старика совпадают с текстами, которые они читали, дополняя их примерами из жизни.

Когда Том собрался уходить, хромой Гарри горячо поблагодарил мальчика за то, что тот скрасил старику вечер, и заверил, что сон его в эту ночь будет крепким и безмятежным. Том вернулся домой весьма довольный собой и признал:

— Мама, ты все правильно сказала: добро можно творить и без денег. Я сегодня совершил столько добрых дел, не имея ни фартинга. Сначала, — тут он загнул мизинец, — я помог Энн Джоунз развесить белье, когда...

Слушая его рассказ, мама листала Новый Завет и, найдя нужную страницу, ласково обняла Тома и притянула его к себе. Он прочел то место, которое она отметила: «Когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что творит правая», — и умолк.

В следующую минуту мама негромко произнесла ласковым голосом:

— Дорогой мой Том, мне не хочется говорить об этом, потому что ты только исполнил свой долг, но я рада, что ты убедился, насколько больше может сделать любящее сердце, чем просто рука, дающая милостыню; а доброе сердце есть у каждого.

Я рассказала об одном дне из жизни Тома, когда ему было восемь лет и он жил с мамой. Теперь перейду к совершенно иной жизни, которую ему пришлось вести по прошествии года. Мама его никогда не отличалась крепким здоровьем; испытав много горестей, она захворала и вскоре почувствовала, что надежды на выздоровление нет. Долгое время мысль о том, что ей придется покинуть своего мальчика, причиняла ей страдание и была испытанием для ее ве-

ры. Но Бог укрепил ее и умиротворил ее душу, и перед смертью она приготовилась передать свое любимое дитя в руки Того, кто Отец всех сирот и судия вдов.

Чувствуя, что дни ее сочтены, она послала за братом своего мужа, жившим за много миль в городе, и вручила ему судьбу маленького Тома со словами:

— У меня есть немного денег в банке — не знаю, сколько именно, — и кое-что можно выручить за мебель и товары в магазине; надеюсь, этого хватит, чтобы обучить его столярному делу, чтобы пошел по стопам отца.

Она говорила прерывисто и с трудом. Ее деверь, человек простой и грубоватый, был глубоко тронут и всеми силами стремился облегчить ее последние минуты; в память о своем покойном брате он пообещал исполнить ее волю.

— Я возьму его к себе после...

Он хотел сказать «после похорон», но не произнес этого слова, однако она поняла его и ласково улыбнулась.

— Боюсь, мы не станем с ним особенно нежничать, но обещаю присмотреть за ним и уберечь от греха. Мои-то ребяташки погрубее будут, но ему это только на пользу пойдет — слишком уж он чувствительный для парня, а станут его обижать — я им задам, уж не сомневайся.

Не такие слова хотела бы она услышать, но речь его шла от сердца, и она была благодарна за то, что сын ее обретет такого друга и защитника. И возблагодарив Бога за радости, выпавшие ей на долю, и за печали, научившие ее смирению, и за жизнь, и за смерть, она скончалась.

Брат ее мужа сделал все по ее желанию. После тихих скромных похорон он взял Тома за руку, и они пешком отправились в путь. Им предстояло пройти

шесть миль; в дороге Том плакал, пока совсем не выбился из сил, но каждый раз, проходя мимо какого-нибудь знакомого дома, куста боярышника или дерева, вновь разражался рыданиями. Дяде было искренне жаль мальчика, но он не знал, что сказать ему в утешение.

— Послушай, паренек, дай мне знать, если братья тебя обидят. Только скажи — и им мало не покажется.

Том ужаснулся при мысли о том, что же это за братья такие, хотя до слов дяди с радостью предвкушал встречу с ними. Настроение его не улучшилось, когда, пройдя несколько улиц и проулков, они оказались во дворе с неприглядными домишками и дядя открыл дверь одного из них, откуда доносился звук очень громких, хотя и незлобных голосов.

Высокая крупная женщина, резким движением отталкивая от себя одного ребенка, гневно выговаривала другому — мальчику чуть постарше Тома, который слушал ее с угрюмым видом.

— Вот расскажу про тебя отцу, — пригрозила она и, повернувшись к дяде Джону, принялась изливать ему свои жалобы, не обращая ни малейшего внимания на Тома, ухватившегося за дядину руку, словно в поисках защиты от открывшейся перед ним угрожающей картины.

— Да ладно тебе, жена! Ну, выпорю Джека, если еще раз выльет всю воду, а пока дай-ка нам с этим парнишкой чаю — что-то мы притомились в дороге.

Тетя, казалось, была бы рада, если бы Джека выпороли немедленно, и разгневалась на мужа за то, что он тут же не отплатил мальчишке за причиненный ей ущерб, назло выпустив всю воду как раз накануне стирки. С недовольным ворчанием мать семейства перестала собирать воду с пола и направилась к оча-

гу, чтобы заново разжечь его и вскипятить чайник, не сказав ни слова приветствия ни племяннику, ни мужу. Вместо этого она возмущалась, что опять нужно готовить чай, когда огонь почти потух, а в доме нет ни капли воды для чайника. Муж ее потерял терпение, и Том испугался, услышав его резкую отповедь.

— Коль мне в своем доме чаю не дают спокойно выпить, пойду-ка я в «Орел» и Тома с собой прихватю. Там-то уж огонь всегда горит, чего бы это ни стоило, и никаких сварливых жен. Пошли, Том.

Все это время Джек, стоя за спиной матери, из всех сил пытался привлечь внимание Тома: кривлялся и корчил рожи, а теперь сделал вид, что пьет из воображаемого стакана. Но Том не отходил от дяди и потихоньку снова усадил его на стул, с которого тот вскочил, намереваясь пойти в паб.

— Простите, мэ, — обратился мальчик к тетушке, огорченный и напуганный ею. — Если позволите, я мог бы сходить за водой.

Она пробормотала нечто вроде согласия, и Том взял чайник и, невзирая на усталость, отправился к колонке. Джек, безобразничавший весь день, застыл от изумления, но в конце концов пришел к заключению, что его двоюродный брат просто «мямля».

Вернувшись, Том попытался раздуть огонь сломанными мехами, и наконец вода в чайнике закипела и чай был заварен.

— Ты на редкость толковый мальчишка, Том, и польза от тебя есть, — заметил дядя. — Не чета нашему Джеку.

Это сравнение не пришлось по вкусу ни Джеку, ни его матери, которая предпочитала самолично направлять недовольство отца в нужную сторону. Том чувствовал, что они к нему не расположены; заняться ему было особенно нечем, разве что поесть и отдох-

СОДЕРЖАНИЕ

Рука и сердце <i>Перевод О. Демидовой</i>	5
Лиззи Ли <i>Перевод Н. Роговской</i>	29
Сердце Джона Миддлтона <i>Перевод О. Демидовой</i>	74
Рассказ старой няньки <i>Перевод И. Куберского</i>	105
История сквайра <i>Перевод В. Ахтырской</i>	135
Клариссинка <i>Перевод Н. Роговской</i>	159
Проклятие Гриффитсов <i>Перевод В. Ахтырской</i>	239
Два брата <i>Перевод Н. Роговской</i>	292
Любопытно, если правда <i>Выдержки из письма Ричарда Уиттингема, эсквайра</i> <i>Перевод Л. Бриловой</i>	309
Шесть недель в Хеппенхайме <i>Перевод О. Демидовой</i>	331

Гаскелл Э.

Г 22   Рука и сердце : рассказы / Элизабет Гаскелл ; пер. с англ. В. Ахтырской, Л. Бриловой, О. Демидовой и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 384 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-15379-0

Элизабет Гаскелл (1810–1865) принадлежит к яркой плеяде прославленных английских романистов и, наряду с Шарлоттой Бронте, занимает самое почетное место среди «литературных леди» Викторианской эпохи, а ее произведения признаны шедеврами мировой классики. В их числе романы «Мэри Бартон», «Крэнфорд», «Север и Юг», «Жены и дочери» и др. В настоящем сборнике представлена «малая проза» автора, собрание рассказов, написанных в разные годы жизни, на страницах которых оживают картинки из жизни «старой доброй Англии». Это самые разные истории — поучительные, мистические, трогательные и курьезные, — в которых переплетаются сквозные темы и сюжеты творчества Элизабет Гаскелл: тайны человеческого сердца и загадочные предначертания рока, который управляет судьбой; извечное противоборство чувства и долга; способность творить добро и зло, в равной мере присущие человеку, и ответственность за свои поступки, а вместе с этим и неизбежность расплаты; сила любви и веры в Бога, дарующая спасение и противостоящая судьбе.

Большая часть рассказов, включенных в сборник, публикуется на русском языке впервые.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ
РУКА И СЕРДЦЕ

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.03.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 16,92.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

A-АКБ-23758-01-R